

# «О, ЕСЛИ Б МОГ ВЫРАЗИТЬ В ЗВУКЕ...»

ПРОФЕССИЯ — МУЗЫКАНТ

**О**ПЕРНОЕ искусство, на мой взгляд, самое высшее из искусств. Оно отличается от симфонической музыки, от балета... В оперном спектакле соединяются многие виды искусств: балет, классический танец («Половецкие пляски» в «Князе Игоре»), симфонический оркестр. В оперном театре работали и работают великие художники. Возьмите таких живописцев с мировым именем, как Коровин, Головин. И поэтому оперное искусство требует, ну, что ли, особого к себе отношения со стороны руководителей театра, помощи от общественности. В оперном театре должен быть прекрасный хор, солисты балета, солисты оперы, солисты — музыканты в оркестре. Все они должны быть специалистами высокой квалификации.

Искусство оперы воспитывает благородные чувства в людях, прививая с детства любовь ко всему прекрасному на земле, делает человека благородным, доброжелательным.

Мне кажется, что сегодня за исключением больших театров (повторяю, это мое мнение), к большинству оперных театров относятся не совсем внимательно. Любой оперный спектакль должен быть идеальным. Во всяком случае, надо стремиться к идеалу, к самой прекрасной постановке. Нельзя жестко планировать постановки. Творческие вещи должны творчески созреть. Но уж зато «созревший» хороший спектакль может жить семь-десять лет. Вот у нас, в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова, идут некоторые

Концерты и спектакли с участием народного артиста СССР Бориса Тимофеевича Штоколова всегда проходят с неизменным успехом. Вот уже много лет имя певца, одного из лучших басов страны, популярно у самого широкого круга слушателей. В репертуаре певца не только арии, жемчужины русской эпической оперы, но и старинный романс, русская народная песня. «О, если б мог выразить в звуке...» — строчка из старого романса, давно и с успехом исполняющегося Штоколовым. И в ней — желание передать через искусство пения жизнь человеческую и жизнь человеческого духа.

Беседа наша не выходит за рамки главного дела, которому посвятил свою жизнь Борис Тимофеевич, — работа на сцене оперного театра. По сути дела, это монолог певца об опере...

спектакли с 1912 года, когда в них еще участвовал Шаляпин. В спектаклях живут головинские и коровинские декорации и костюмы. Когда открывается занавес, зал аплодирует этой сказочной красоте, этому чуду. То есть качество всегда себя оправдывает, поэтому нельзя бояться вкладывать в оперные спектакли деньги, давать максимально большое число репетиций. Не всегда это происходит именно так. Но потому ли, как я иногда слышу на гастролях, снижается интерес к опере. Не потому ли интерес к футболу и хоккею более высок, чем к оперному искусству? Даже у студентов. Статистик-Москвы и Ленинграда показала, что студентов интересует более дискотека, чем оперный театр.

Я не против увлечения спортом, но одно не исключает другое. Надо поддерживать такие коллективы, как оперный театр. Оперное искусство надо пропагандировать больше, ча-

ще в соотношении с эстрадой.

— Борис Тимофеевич, вы почти тридцать лет поете партию Сусанина в опере Глинки. Какова динамика жизни этой партии в вашем творчестве?

— Все знают, что это одна из труднейших партий. Технически она настолько трудна, что, чтобы ее спеть по-настоящему, надо десять лет. Она трудна даже для того, чтобы ее просто спеть на сцене. Такой же Руслан у Глинки...

— Вы считаете, что эти басовые партии — самые трудные в русском репертуаре?

— Да, Глинка — гений. Он столько написал для баса... Иногда певец похож в этих партиях на спортсмена, которому нужно пробежать сорок километров. Он бежит, заканчивает, чуть не умирая, дистанцию, а ему говорят, что надо бежать еще двадцать километров. Труднейшие речитативы, труднейшие арии составляют партию Сусанина. Я, например, не считаю, что я ее создал полностью, хотя и пою вот уже столько лет.

— Очевидно, несмотря на трудность, эти партии — среди любимых!

— Да, я очень люблю русских композиторов. Поешь Руслана, ну что за музыка! Ратмир, Руслан, Фарлаф, — ну что за партии! Одна лучше другой! Гениальное — оно вечно современное и вечно сегодняшнее. Порой у нас говорят о современном искусстве. А Шекспир? Он вечно современен. Правильно у нас сейчас ставят вопрос о том, что иногда под видом современности идут произведения низкие по художественному уровню. За чем же нам такая, пусть по теме современная, серость, когда у нас есть такое богатство, как классика. Ведь в конечном счете нам важен результат — воспитать человека.

— Что такое, по-вашему, трудная роль? Что вы понимаете под сложной ролью для оперного певца?

— Самая трудная роль у баса — это Борис Годунов. Борис показан в момент своей траге-

дии. Гений Мусоргского «досочинил» галлюцинации у Бориса. Этот момент наивысшего духовного, эмоционального напряжения и должен передать певец. Это труднейшая задача для драматического актера и тем более для оперного, которому еще надо и петь все это. После того как заканчивается эта опера, я похож на выжатый лимон. Пустая душа. Си-дишь, как тряпка, как пстой пододеяльник без одеяла. Как будто все из тебя выдавили, выжали. Такой гений, как Шаляпин, достиг в этой партии высочайшего уровня. Его же никто не достиг и не достигнет, по-моему.

— Как, на ваш взгляд, живет ли сегодня романсу? Вы давно поете романсы, и у вас обширная программа.

— Чем прекрасен бытовой романс? За что его любить в семье? Он, прежде всего, доступен. Оперное искусство не так демократично. А бытовой романс может быть исполнен любым, кто имеет голос от природы и слух. Жанр этот народом любим. О чем же поется в старинных романсах? О любви, о страданиях, о том, как люди сходятся и расходятся — в общем, вся жизнь. Поэтому-то романсы так долго и живут. Я люблю петь романсы, потому что, выйдя на сцену, ты можешь просто, от души сказать какую-то фразу, вкладывая в нее все себя. В это время ты муствуешь себя художником, ты рисуешь звуком, как рисует кистью художник. Ты делаешь, где считаешь нужным, остановки, не думая о том, что тебя не будет ждать оркестр. Ты делаешь любую паузу. Все это дает возможность артисту, у которого есть душа, есть чувство, творить и передавать эти чувства в зал.

— Что вам мешает осуществлять творческие планы?

— Я думаю, что во всем нам, певцам, в любой аудитории и на любых концертах мешает, если не лгать, неумение петь. Нам, певцам, очень часто мешает неумение владеть своим голосом, которым гениально владел Шаляпин. Он, как бог, умел это делать. Для него не было недоступных вещей. Вот этого умения не хватает мне, да, думаю, что не хватает и всем. Тот, кто добьется блестящей техники исполнения не на бумаге, а по-настоящему, тот — художник. Когда у художника есть прекрасный и совершенный инструмент, каким для нас является наше горло, тогда ему подвластно очень многое, тогда он свободно может творить. С. ЧУЯНОВ.

НА СНИМКЕ: Б. Штоколов в роли князя Галицкого («Князь Игорь»). Фото В. ШОХИНА.

14 ИЮЛИ 1982

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА  
с. ГОРЬКИЙ

